Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/ESUEUE
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

СТИХИ С.А. ЕСЕНИНА «СЕСТРЕ ШУРЕ» КАК ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЦИКЛ

 Н.И. Шубникова-Гусева
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 22 марта 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 27 апреля 2023 г.
Дата публикации: 25 декабря 2023 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-162-181

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01173)

Аннотация: В статье, посвященной комплексному анализу стихов С.А. Есенина «Сестре Шуре» (1925), показано, что идейно-художественное единство, жанр послания-посвящения, общие герои, историко-литературный и авторский контекст, сквозные образы, мотивы и метрическая основа характеризуют их как последний завершенный лирико-философский цикл поэта. Впервые представленные сведения из неотправленного письма С.А. Толстой-Есениной М.А. и Н.С. Волошиным в ноябре 1925 г. и сравнительный анализ рукописей и печатных источников, а также драматические обстоятельства жизни поэта того времени существенно дополняют творческую историю стихотворений, реальный и историко-литературный контекст цикла. Показано, что авторская воля в порядке расположения стихов проявилась в отправленном в газету «Бакинский рабочий» (публикация не состоялась) и положенном в наборный экземпляр «Собрания стихотворений» текстах. Построенные по принципу жанровой циклизации, обозначенной в посвящении, стихи «Сестре Шуре» развивают идею единства жизни-пути, родовых корней и национальной исторической памяти. Финальная строфа каждого стихотворения служит философским обобщением, а завершающее — подытоживает цикл в целом. Многозначный символический образ прохожего, восходящий к многообразным фольклорно-мифологическим, библейским и литературным источникам, содержащим диалектическое представление о духовном пути человека, о приобщении к вечности и мирозданию, представляет собой сложную метафору, синтезирует значения понятий: путь, мир, вечность, странничество, родина.

Ключевые слова: С.А. Есенин, стихи «Сестре Шуре», лирико-философский цикл, жанр послания, рукописи, контекст, поэтика.

Информация об авторе: Наталья Игоревна Шубникова-Гусева — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3753-2935

E-mail: shubnikova-gus@mail.ru

Для цитирования: *Шубникова-Гусева Н.И.* Стихи С.А. Есенина «Сестре Шуре» как лирико-философский цикл // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 162–181. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-162-181

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 4, 2023

S.A. ESENIN'S "TO SISTER SHURA" AS A LYRICAL AND PHILOSOPHICAL POETIC CYCLE

© 2023. Natalia I. Shubnikova-Guseva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: March 22, 2023
Approved after reviewing: April 27, 2023
Date of publication: December 25, 2023

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 23-28-01173.

Abstract: The article is devoted to the complex analysis of the poems "To Sister Shura" by S.A. Esenin (1925), and shows that the ideological and artistic unity, the genre of the dedication message, common characters, historical and literary and author's context, through images, motifs and metrical basis characterize them as the last completed lyrical and philosophical cycle of the poet. The information presented for the first time from an unsent letter from S.A. Tolstoy-Esenina to M.A. and N.S. Voloshin in November 1925 and a comparative analysis of manuscripts and printed sources, as well as the dramatic circumstances of the poet's life at that time, significantly complement the creative history of the poems, the real and historical-literary context of the cycle. The article shows that the author's will in the order of the arrangement of poems was manifested in the texts sent to the newspaper "Baku Worker" (publication did not take place) and put in a typeset copy of the "Collection of Poems." Built on the principle of genre cyclization, indicated in the dedication, poems "To Sister Shura" develop the idea of the unity of life-path, ancestral roots and national historical memory. The final stanza of each poem serves as a philosophical generalization, and the final one sums up the cycle as a whole. The multi-valued symbolic image of a passerby, dating back to diverse folklore-mythological, biblical and literary sources containing a dialectical idea of a person's spiritual path, about communion with eternity and the universe, is a complex metaphor, synthesizes the meanings of the concepts, such as path, world, eternity, pilgrimage, homeland.

Keywords: S.A. Esenin, "To Sister Shura" poems, lyrical and philosophical cycle, genre, manuscripts, context, sources, poetics.

Information about the author: Natalia I. Shubnikova-Guseva, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3753-2935
E-mail: shubnikova-gus@mail.ru

For citation: Shubnikova-Guseva, N.I. "S.A. Yesenin's 'To Sister Shura' as a Lyrical and Philosophical Poetic Cycle." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 162–181. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-162-181

Четыре стихотворения С.А. Есенина «Я красивых таких не видел…»; «Ах, как много на свете кошек…»; «Ты запой мне ту песню, что прежде…»; «В этом мире я только прохожий…», посвященные сестре Шуре, младшей из сестер поэта, были включены Есениным в первый том подготовленного им Собрания стихотворений в трех томах (1926). Есенин сделал строгий отбор, поместив в Собрание всего 10 000 строк, лучшее из своего творческого наследия. В состав Собрания не вошли многие известные лирические стихи: «Я помню, любимая, помню…», «Я иду долиной. На затылке кепи…», «Клен ты мой опавший, клен заледенелый…», «Ты меня не любишь, не жалеешь…», «Может, поздно, может, слишком рано…» и другие, которые позже были включены в 4-й дополнительный том посмертного издания (1927). Окончательная последовательность стихотворений, посвященных сестре Шуре, была определена Есениным и зафиксирована пагинацией четырех машинописных страниц в наборном экземпляре первого тома[1].

Заслуженного внимания исследователей эти стихи не получили. Из наиболее значительных можно назвать работу Н.И. Савушкиной о связи с фольклором, где она назвала их «своеобразным циклом» [6, с. 32], и статью Э.Б. Мекша, который определил стихи как «четыре модификации на тему ухода из родного дома» [5, с. 240, 247]. Имеющиеся рукописи (списки С.А. Толстой-Есениной с правкой автора) и разночтения в печатных текстах исследователями не анализировались, а при описании последовательности стихов в «Красной нови» в статье Мекша была допущена серьезная ошибка,

1 ОР ГЛМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 268 (а). Л. 182–185.

которая служила аргументом рассмотрения стихов «Сестре Шуре» как лирического цикла[2].

Составитель и комментатор первого тома Полного собрания сочинений А.А. Козловский на основании имеющихся на то время документов и рукописных источников текста в комментарии к стихам сделал вывод, что они «представлялись автору единым циклом» [2, с. 636], но, учитывая первоначальную последовательность записи этих стихов С.А. Толстой-Есениной и уточнив порядок их публикации в «Красной ниве», отметил, что их последовательность, кроме первого, изменялась.

Введенные позже рукописные материалы, зафиксированные в разделе «Дополнения» 7 тома (2 книги), сведения из неотправленного письма С.А. Толстой-Есениной Волошиным, а также драматические обстоятельства жизни поэта того времени позволяют существенно дополнить творческую историю этих стихотворений. То внимание, которое Есенин уделил этим стихам при подготовке к печати, и то особое место, которое он им отвел в подготовленном им Собрании, побуждают обратиться к анализу их текста, а также к внутритекстовым и контекстным связям. Задача состоит в том, чтобы показать их идейно-образную целостность, раскрыть философский смысл внутреннего диалога, расширить историко-литературный и современный контекст и, в конечном счете, раскрыть стихи «Сестре Шуре» как последний завершенный лирико-философский цикл Есенина.

***

Время создания стихов «Сестре Шуре» — кризисное в биографии Есенина. Расставание с Г.А. Бениславской, с которой продолжали жить его сестры, Екатерина и Шура, знакомство и женитьба на С.А. Толстой, надежда на любовь, «которой уж нет», состояние здоровья, продолжающиеся судебные дела, заведенные на поэта, постоянная травля в печати, ощуще-

2 Отметив общее название-посвящение и порядковую нумерацию стихов, Мекш неверно воспроизвел их последовательность:

«Я красивых таких не видел...»

«Ах, как много на свете кошек...»

«Ты запой мне ту песню, что прежде...»

«В этом мире я только прохожий...» [5, с. 236].

На самом деле при публикации четвертое и третье стихотворения поменялись местами. Этот факт был отмечен в комментарии А.А. Козловского.

ние своей ненужности и неприкаянности в современной действительности («В своей стране я словно иностранец» [11, т. 2, с. 95]), так или иначе отразились в этих стихах, созданных за три с половиной месяца до смерти поэта. Внешняя легкость и даже шутливость первых двух лишь подчеркивает их драматический характер.

Конкретным поводом к написанию посвящений «Сестре Шуре», стала прогулка вместе с будущей женой, С.А. Толстой-Есениной, и А.А. Есениной на извозчике от Остоженки до Театральной площади 12 сентября 1925 г., связанная с судьбой поэта и его младшей сестры. Когда Есенин уехал из Константинова в Москву в 1912 г., ей был всего один год. Через 12 лет осенью 1924 г. она покинула родной дом, уехала в Москву и теперь «не в плохой, а в хорошей обиде» повторяет юность поэта. В первых двух стихотворениях отражены запомнившиеся автору эпизоды, о которых оставила воспоминания героиня этих произведений. Они общеизвестны, но стоит их напомнить.

> День был теплый, тихий.
>
> Лишь только мы отъехали от дома, как мое внимание привлекли кошки. Уж очень много их попадалось на глаза.
>
> Столько кошек мне как-то не приходилось встречать раньше, и я сказала об этом Сергею. Сначала он только улыбнулся и продолжал спокойно сидеть, погруженный в какие-то размышления, но потом вдруг громко рассмеялся. Мое открытие ему показалось забавным, и он тотчас же превратил его в игру, предложив считать всех кошек, попадавшихся нам на пути.
>
> Путь от Остоженки до Театральной площади довольно длинный, особенно когда едешь на извозчике. И мы принялись считать. Это занятие нас всех развеселило, а Сергей увлекся им, пожалуй, больше, чем я. Завидев кошку, он вскакивал с сиденья и, указывая рукой на нее, восклицал: «Вон, вон еще одна!» <...>
>
> Когда мы доехали до Театральной площади, Сергей предложил зайти пообедать. И вот я первый раз в ресторане. Швейцары, ковры, зеркала, сверкающие люстры — все это поразило и ошеломило меня. Я увидела себя в огромном зеркале и оторопела: показалась такой маленькой, неуклюжей, одета по-деревенски и покрыта красивым, но деревенским платком. <...> Видя мое смущение, Сергей все время улыбался, и, чтобы окончательно сму-

тить меня, он проговорил: «Смотри, какая ты красивая, как все на тебя смотрят...»

Я огляделась по сторонам и убедилась, что он прав. Все смотрели на наш столик. Тогда я не поняла, что смотрели-то на него, а не на меня, и так смутилась, что уж и не помню, как мы вышли из ресторана.

А на следующий день Сергей написал и посвятил мне стихи... [13, т. 1, с. 119–120].

Прогулка с сестрой всколыхнула самые сокровенные воспоминания о семье и доме. А теплый и тихий день, звонкий смех и шутки сестры еще больше подчеркнули ощущение безысходности собственной судьбы и неизбежно обусловили отразившийся в тексте трагический диссонанс печали и отрады, который так или иначе присутствует в каждом образе.

На следующий день, 13 сентября 1925 г., Есенин продиктовал Софье Андреевне Толстой четыре стихотворения. Такая своеобразная манера творчества была свойственна поэту. Он нередко «писал» стихи не на бумаге и в ответ на вопрос в такие минуты говорил: «Не мешай мне, я пишу» [13, т. 1, с. 412]. Но случай со стихами «Сестре Шуре» особый. Порой Есенин вынашивал образы, а в этом случае стихи сразу сложились в законченную совершенную форму.

Сохранились списки четырех стихотворений, датированные «13.IX.1925», с пометой: «Запись С.А. Толстой под диктовку Есенина с его собственноручной правкой». Посвящение отсутствует[3]. Списки выполнены на бланках газеты «Бакинский рабочий», которые Есенин привез с собой из Баку, откуда неделю назад приехал. Варианты этих списков представлены Козловским в первом томе Полного собрания.

Другие списки С.А. Толстой-Есениной первых трех стихотворений с правкой Есенина («Я красивых таких не видел...»; «Ах, как много на свете кошек...»; «Ты запой мне ту песню, что прежде...»; посвящение отсутствует) находятся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки. Сведения об этом источнике, имеющиеся варианты текста и комментарий к ним в первый том Полного собрания не попали и даны С.И. Субботиным в разделе «Дополнения» 7-го тома 2-й книги. В результате внимательно-

3 РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 1. Ед. хр. 59. 6 л.

го изучения текста на бланках газеты «Бакинский рабочий» исправлена ошибочная атрибуция, восходящая к заголовку соответствующего архивного дела[4] и впервые обнародованная журналистом В. Виноградовым, отметившим, что «записи стихов Есенина сделаны рукой Д.К. Богомильского». В комментарии к спискам даны также следующие существенные уточнения:

> Далее в статье журналиста приводится, по его словам, «приписка Есенина: “Захочешь, послушай”» (Л<итературная> Р<оссия>, 1994, 3 июня). Действительно, у последней строфы рукописи стихотворения «Ты запой мне ту песню, что прежде...» есть карандашная запись из двух слов. Но прочтены они В. Виноградовым неверно — наискосок по отношению к стихотворному тексту (сбоку, справа) одно под другим (причем, не рукой Есенина) написаны два слова: «Хохочешь / Тоскуешь». Ни автор этой пометы, ни причины, по которой она сделана, не установлены [11, т. 7 (2), с. 42].

В диктовке Есенина (списки РГАЛИ) стихотворение «Ах, как много на свете кошек...» шло последним, его поэт добавил к уже «написанным» трем. Третьим тогда было «В этом мире я только прохожий...», порядок стихотворений еще окончательно не определился.

Поправив записанный текст, Есенин уточнил порядок соответственно развитию основной идеи. Завершающим, четвертым, стало стихотворение «В этом мире я только прохожий...», которое является философским аккордом, объединяющим ключевые сквозные образы и мотивы, и итоговым, подытоживающим мысли о жизненном пути, о возвращении к родным истокам, о Родине.

***

Единственная документально подтвержденная авторская публикация этих стихов, которую Есенин планировал увидеть в газете «Бакинский рабочий», не осуществилась. Как следует из сохранившихся списков, писем и воспоминаний современников, перед отправкой произведений в печать поэт продумал не только их последовательность, но и оформление.

4 РГБ. Ф. 393. Карт. 2. Ед. хр. 25. 3 л.

В авторской последовательности и с общим заглавием-посвящением стихи предполагалось напечатать в газете «Бакинский рабочий», куда они и были отправлены С.А. Толстой-Есениной после того, как Есенин провел правку текста по ее спискам. С учетом авторской правки стихи 26 сентября 1925 г. поступили в редакцию газеты. Об этом Есенину сообщил на следующий день В.А. Мануйлов: «Вчера в редакции “Бакинского рабочего” Сеня Файнштейн при мне получил письмо Софьи Андреевны с Вашими стихами. Джавадян <редактор газеты> собирается их тиснуть в пятницу, 2 октября на 4-х колонках» [14, с. 292–293]. В день получения стихов сотрудник газеты С.Ф. Файнштейн писал С.А. Толстой-Есениной: «Стихи получены. Пойдут, как вы просили, “Сестре Шуре” — все вместе» [11, т. 1, с. 636].

Итак, из писем Мануйлова и Файнштейна следует, что Есенин просил опубликовать стихи под общим названием как цикл и сохранить состав в данной им последовательности («все вместе», «на четырех колонках»). Однако стихи, посвященные сестре Шуре, в газете опубликованы не были. 9 октября в «Бакинском рабочем» было опубликовано стихотворение «Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..», написанное Есениным 8 сентября, раньше стихов «Сестре Шуре».

Первая публикация этих стихов состоялась в московском журнале «Красная нива» 11 октября под общим заглавием-посвящением «Сестре Шуре», с нумерацией стихов римскими цифрами. Такое оформление свидетельствует о том, что все четыре стихотворения были представлены как единое произведение. Однако третье и четвертое поменялись местами и имелось пять разночтений по сравнению с окончательным текстом, который был положен в наборный экземпляр готовящегося «Собрания стихотворений». Такая же последовательность воспроизведена при перепечатках в газетах «Русский голос» (Нью-Йорк, 1925, 1 ноября) и «Новая шанхайская жизнь» (1925, 24 ноября).

Эти факты и учет первоначального порядка диктовки стихов автором позволили комментатору первого тома Полного собрания сочинений С.А. Есенина, Козловскому, констатировать, что последовательность стихотворений, за исключением первого, менялась [2, с. 636]. Но кем и когда последовательность стихов была изменена в «Красной ниве» и была ли она авторской, неизвестно. Изменение порядка могло быть допущено редакцией или С.А. Толстой-Есениной, занимавшейся в то время издательскими

делами поэта. Это могло произойти до посылки стихов в «Бакинский рабочий». Состояние поэта было такое, что ему, по выражению Мануйлова, действительно было «не до наших литературных затей» [13, т. 1, с. 189]. В любом случае этот порядок не соответствует последней воле поэта, которая выражена им в Собрании стихотворений.

Выдвинутую нами версию подтверждают опубликованные в «Красной ниве» тексты, где авторская правка внесена не полностью: «Ах, как много на свете кошек…», 8-я строка: «Без различья смотря на меня»; «Ты запой мне ту песню, что прежде…», 26-я строка: «Мне за песнью и за вином»; «В этом мире я только прохожий…», 4-я строка: «Свет приятный и тихий такой»; 7-я и 8-я: «И опять я живу и надеюсь / На любовь, уж которой нет» [11, т. 1, с. 365–366].

В первом томе наборного экземпляра Собрания стихотворений С. Есенина в 3 томах (1926), который готовил сам поэт, авторская правка и последовательность стихотворений в машинописных списках сохранена, но каждое из них напечатано с одинаковым, отдельным посвящением.

Такой принцип был применен Есениным к оформлению традиционно воспринимаемых циклов «Москва кабацкая» и «Любовь хулигана». Составитель первого тома, А.А. Козловский, в преамбуле к первому тому Полного собрания справедливо отмечал, что Есенин использовал в первом томе единый композиционный прием: «устранение циклических заголовков при сохранении определенной последовательности стихотворений <…>. Автор сохранил заголовок только одного цикла — “Персидские мотивы”. Остальные заголовки были опущены» [2, с. 397].

Тем не менее мы можем с уверенностью утверждать, что располагаем безусловно принадлежащим автору источником, по которым определяется авторская последовательность стихов «Сестре Шуре»: это тексты наборного экземпляра первого тома Собрания стихотворений.

***

С понятием классического цикла исследователи традиционно связывали устойчивую группу стихотворений, имеющих самостоятельное заглавие и образующую идейно-эстетическое единство, постоянное по составу и композиции. В творческом наследии Есенина таким циклом признано считать только «Персидские мотивы» (1925). Однако для Есенина, как и для

многих других поэтов, характерно стремление к объединению своих произведений при их публикации в тематические группы — книги или разделы книг, которым дается заглавие, выражающее идею, положенную в основу их состава и композиции. Такие группы могут составлять целую книгу. Наиболее яркий пример — «Москва кабацкая» (1924), настолько целенаправленны по своей композиции и связаны входящие в нее стихотворения, что они составляют единое целое. «Москве кабацкой» как циклу посвящено немало работ. Раздел «Любовь хулигана», вошедший в эту книгу, тоже принято называть циклом или подциклом.

Для поэзии Есенина в целом характерны довольно разные образования, которые исследователи называют циклами, отмечая, что ему свойственна текучесть и изменчивость циклических образований. Использование постоянных эпитетов и сквозных устойчивых образов считается характерной чертой идиостиля Есенина.

В последние месяцы жизни стремление поэта к созданию поэтических циклов усилилось и проявилось в работе над неосуществленными «Стихами о которой» (название, упоминаемое Есениным) и «Зимним» циклом (название условно) (1925). Творческая история этих циклов малоизвестна и реконструируется по воспоминаниям близких и современников [7]. Двенадцать стихотворений «Зимнего» цикла, в которых Есенин «воплотил свою философскую концепцию мира и бытия» [7, с. 64], помещены им в Собрание сразу после «Персидских мотивов» и завершают лирику поэта.

«Стихи о которой», где «единство произведений, предположительно входящих в незавершенный цикл, подтверждается их общей тональностью и схожей поэтикой» [7, с. 63], поэт не включил в Собрание. Они вошли в четвертый том, подготовленный И.В. Евдокимовым и вышедший в свет в 1927 г. К стихам имеется примечание: «...В разговоре с И.В. Евдокимовым Есенин считал в этом цикле семь стихотворений. После смерти <Е.> было напечатано родственниками только четыре <стихотворения>. Отбросил ли сам поэт название “Стихи о которой” или оно ошибочно было пропущено при первоначальной публикации в журнале “Новый мир”; мы печатаем их без названия цикла ввиду неясности этого вопроса» [12, т. 4, с. 431]. Перед «персидскими стихами» в первом томе Собрания напечатаны стихи, посвященные сестре Шуре, также написанные незадолго до смерти.

Созданные в наиболее характерном для Есенина жанре послания, распространенном в русской поэзии начиная с XIX в., они отличаются легкостью, нежностью, свойственной классическим образцам, среди которых послание «Няне» («Подруга дней моих суровых…») А.С. Пушкина (1826), и одновременно внутренним драматизмом.

Мотивы ухода и возвращения к родимому дому как путь духовных исканий соотносят эти стихи с многими произведениями С.А. Есенина разных лет: «Я снова здесь, в семье родной…» (июнь 1916), «Устал я жить в родном краю…» (<1916>), «Я покинул родимый дом…» (1918), «Да! Теперь решено. Без возврата…» (1922), «Возвращение на родину» (1924), «Мой путь» (<1925>), «Не вернусь я в отчий дом…» (<1925>). Философские размышления и простота дружеского тона сближают их со стихотворными «письмами родным»: «Письмо деду» (1924), «Письмо матери» (<1924>), «Письмо к сестре» (<1925>) и другие. Послания сестре Шуре завершают письма родным и сквозной мотив «возвращения на родину», как взаимосвязанный или противоположный уходу из дома, восходящий к мифу о блудном сыне. Но, завершая мысли о реальном возвращении («Но и все ж возвращаться не надо»), лирический герой стихов «Сестре Шуре» совершает мысленное возвращение к истокам, к семье и объединяющей их любви к родине. Родимый дом построен в его сердце и навеки стал частью его души.

Первое из четырех посланий сестре — «Я красивых таких не видел…» — строится на риторических взволнованных вопросах героя, «навеки» покинувшего село, к своей сестре, которую он тоже любит «навеки». Эти вопросы подчеркивают то общее, «наше», что их связывает: «Как живет теперь наша корова, / Грусть соломенную теребя?»; «Отгорела ли наша рябина, / Осыпаясь под белым окном?»; «Что поет теперь мать за куделью?». Сравнение сестры с «васильковым словом» «Ты мое васильковое слово…» напоминает о любимом цветке Есенина, «который врос корнями в землю» («Цветы», <1924>) [11, т. 4, с. 205]. Это единственная полностью вписанная самим Есениным строка в списках стихов, выполненных рукой С.А. Толстой-Есениной под диктовку поэта.

Родимый дом представлен основными рубежными пространствами своего и чужого мира: белое окно, крыльцо и ворота, которые являются началом и концом жизненного и духовного пути человека, мифопоэтическими образами, воплощающими уход и возвращение из дома. Уход воспри-

нимается как тревожный знак: оксюморонная метафора «багряная метель» отгорающей рябины предвещает несчастье и болезнь, исцелить которую может только детский сон и песня, отмечающая красоту сестры. Вопросы к той, которую герой любит «навеки», завершаются грустной констатацией:

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес [11, т. 1, с. 243].

Развитие образа «сгибшей невесты» продолжается в заключительной строфе: «...достался не в срок, / Как любовь, как печаль и отрада, / Твой красивый рязанский платок». Эта «единственная подробность» придает образу сестры «некоторую вещественность» [4, с. 216]. Обычно платок дарят девушке на свадьбе, потому-то образ сестры становится духовным символом, песней, васильковым словом и лишен всякой конкретики. Зримыми приметами семьи и дома становятся кошки из второго послания «Ах, как много на свете кошек...» («Нам с тобой их не счесть никогда»), которые оживляют памятные эпизоды «с далекого дня»:

На лежанке мурлыкал котенок... <...>
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок [11, т. 1, с. 244].

Ср.: «Мне девять лет. / Лежанка, бабка, кот» («Мой путь») [11, т. 2, с. 159].

Кроме реальных эпизодов, послуживших основой стихотворения, исследователи справедливо указывают на явную литературную реминисценцию, содержащуюся в последней строфе: «Все прошло. Потерял я бабку, / А еще через несколько лет / Из кота того сделали шапку, / А ее износил наш дед» [11, т. 1, с. 244]. Аналогичный образ возник ранее у Н.А. Клюева: «Лежанка ждет кота, пузан-горшок хозяйку...» (второе в цикле «Избяные песни», 1914–1916): «Увы, напрасен сон. Кудахчет тщетно рябка, / Что крошек нет в зобу, что сумрак так уныл — / Хозяйка в небесах, с мурлыки сшита

шапка, / Чтоб дедовских седин буран не леденил» [5, с. 243]. Однако есенинская шапка из кошки, явно полемичная клюевской, станет знаковой приметой в стихотворении «Синий туман. Снеговое раздолье...», написанном через десять дней: «нахлобучив» ее, герой «тайно» покинул «отчий кров» [11, т. 1, с. 287]. Воспоминания о далеком прошлом всплывают как наваждение. Не случайно современники поэта называли эти стихи зашифрованными или «драматическими» [8, с. 185].

Воспоминания детства погружают лирического героя в состояние сна или бреда и рождают противоречивые образы и чувства. «Душистый горошек» и «голубая звезда» по народным поверьям предвещают грусть: горох — символ богатства, но горошины уподобляются человеческим слезам, а видеть во сне вспыхнувшую звезду — к печали [5, с. 244]. Вывод о том, что «все прошло», усиливают повторы глаголов прошедшего времени: «потерял я бабку», «сделали шапку», а ее «износил наш дед», создающие атмосферу безысходности, которая будет преодолена в заключительных стихах цикла. Настоящее время отражено в мольбе об исцелении песней, которую с нежной дрожью «напевала нам старая мать» [11, т. 1, с. 245].

В песне, которую так любил Есенин, воплощается духовная связь с родиной. Обращения к сестре: «Ты запой мне ту песню, что прежде / Напевала нам старая мать...», троекратное «Ты мне пой...» — несут мысль о преемственности поколений и памяти о покинутом доме: «Я ведь знаю, и мне знакомо», «вижу вновь», «вовек я любил не один», «я припомню», «не буду забывчиво хмур». Песня становится одной «отрадой», объединяющей мать и дочь, «лицом и голосом» походившую на Татьяну Федоровну [9, с. 8.]. Образ матери связан с «нежной дрожью» песни, исполняемой сестрой, и с «тоскующими курами», которые на самом деле передают тоску матери по своему сыну.

Ты мне пой, ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин [11, т. 1, с. 245].

Символическое сравнение сестры с березкой, «что стоит под родимым окном» [11, т. 1, с. 246], в контексте есенинской поэзии является сим-

волом Руси, расширяет содержание сквозных мотивов и образов и придает им философский смысл.

Заключительное, четвертое послание — о любви к родине, которую «привелось» любить с сестрой «одной любовью», любовью, которая объединяет прошлое, настоящее и будущее, любовь земную и любовь вечную. «Родная тоска» явно вызывает ассоциации с пушкинским определением русской народной песни, в которой слышится «то разгулье удалое, то сердечная тоска» [5, с. 240].

Начальная фраза «В этом мире я только прохожий...» вводит многозначный символический образ, восходящий к многообразным фольклорно-мифологическим, библейским и литературным источникам, содержащим диалектическое представление о жизненном пути человека, о вечности и мироздании. Образ лирического героя — прохожего, путника — сквозной в творчестве поэта, здесь представляет собой сложную метафору, синтезирует значения понятий: путь, мир, странничество, родина, вечность.

В поэзии Есенина встречается в поэме «Пугачев» (1921): «Нет, прохожий! С этой жизнью Яик / Раздружился с самых давних пор» [11, т. 3, с. 9]; «Просит она <ольха> на пропитанье / У проезжих и у прохожих» [11, т. 3, с. 35]; и в маленьких поэмах «Возвращение на родину» (1924): «Прохожий! / Укажи, дружок, / Где тут живет Есенина Татьяна?» [11, т. 2, с. 90]; «Мой путь»: «Им не узнать меня, / Я им прохожий» [11, т. 2, с. 164] и др. Кроме значения «проходящий мимо», имеет значение «странствующий пешком, странник», путник, чужой. В стихах «Сестре Шуре» приобретает философский смысл приобщения к вечности: прохожий — человек, осмысляющий себя в мире как частичку космоса, мирового разума, человек, находящийся в великом поиске идеала, человек духовного пути, иной, чужой окружающему его земному миру.

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой [11, т. 1, 247].

Прохожий из заключительного стихотворения цикла явно напоминает повзрослевшего «случайного» гостя из произведения «Там, где вечно

дремлет тайна...», он также соотнесен со «звездной высью». Этот смысл подчеркнут даже построением первой строфы, в которой соединены как будто не связанные между собой явления: прощание с сестрой и ласкающий свет осеннего месяца. Но теперь Есенин явно полемизирует с самим собой. Если в 1917 г., понимая, что ему суждено «возлететь в немую тьму», он утверждал: «Ничего я в час прощальный / Не оставлю никому...» [11, т. 1, с. 104], то теперь живет «не отдельно, не врозь» и завещает сестре любить Родину одною, общею любовью.

Смысловая емкость образа прохожего невольно соотносится с кладбищенской литературной традицией и с жанром эпитафии, зародившимся еще в Древней Греции, когда к читателю нередко обращались как к прохожему. Один из известных шедевров М.И. Цветаевой «Идешь, на меня похожий...» (1913) сложился как спокойный и умиротворенный монолог умершей женщины о жизни и смерти, обращенный к прохожему, проходящему мимо ее могилы.

Образ прохожего вызывает ассоциации с элегией Есенина «Гори, звезда моя, не падай...», где, «погребальной грусти внемля», лирический герой складывает собственную шутливую и горькую эпитафию: «Любил он родину и землю, / Как любит пьяница кабак» [11, т. 1, с. 238]. Заметна и явная перекличка образов «рыдалистой дрожи» журавлей и «нежной дрожи» в голосе матери; песни «про отчий край и отчий дом» и мольбы о песне, обращенной к сестре, и, наконец, главное чувство: любовь к родине.

Важно обратить внимание на актуальный для Есенина широкий литературный и философский контекст образа прохожего в литературе начала XX в., входящей в круг его чтения. В пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» (1903) появляется прохожий, образ которого вызывает шекспировские и библейские ассоциации. В произведении А.А. Ахматовой «Июль 1914» одноногий прохожий пророчит страшные сроки войны, а в ранней редакции — смерть героини. Перекличка Есенина с М.А. Волошиным возникла не случайно, и не только со стихотворением «По ночам, когда в тумане...» (1903):

Да, я помню мир иной —
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я — прохожий,
Близкий всем, всему чужой! [5, с. 246]

В стихотворении Волошина «Таиах» (1905) есть строки:

Не царевич я! Похожий
На него, я был иной...
Ты ведь знала: Я — Прохожий,
Близкий всем, всему чужой [10, с. 51].

Многозначный образ прохожего, у которого свой «долгий путь», мы находим и в другом произведении Волошина «Как некий юноша в скитаньях без возврата...» (1913):

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой —
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.
Любимое со мной. Минувшего не жаль... [10, с. 91].

Стихи Волошина Есенин, безусловно, знал, он прекрасно ориентировался в современной литературе. Когда писались стихи, посвященные сестре Шуре, поэт жил с Софьей Андреевной, комната которой была «увешана» акварелями Волошина и наполнена его духом и книгами. С.А. Толстая-Есенина и ее мать дружили с семьей Волошиных и вели с Максом и Марусей постоянную личную переписку. Жена Есенина писала им, что «очень влюбилась, а потом замуж вышла» и «непременно хотела» поехать осенью в Коктебель, «показать» им своего мужа. «Ужасно мечтала подружить своего “до невероятно русского” мужа с Марусей, и все ему про нее рассказывала» [14, с. 366–367]. Спрашивала, нравятся ли им стихи Есенина, и к цитируемому выше неотправленному письму от 23 ноября 1925 г. приложила три стихотворения Есенина: «Эх вы, сани! А кони, кони!..», «Голубая кофта. Синие глаза...», «Свищет ветер, серебряный ветер...» [14, с. 367].

Все перечисленные факты последних месяцев жизни Есенина не отмечены в его биографии. А причины, по которым письмо оказалось неотправленным, вполне понятны. Конец ноября 1925 г. был заполнен хлопотами С.А. Толстой-Есениной о лечении поэта. По ее словам, он «таял на глазах». Через два дня после написания этого письма, 26 ноября, Есенин

лег на лечение в клинику 1-го Московского государственного университета. Почти через месяц умер.

Важно добавить, что поэтическую автохарактеристику Волошина друг Есенина и его последней жены В.С. Чернявский перефразировал в воспоминаниях о поэте: «...золотоголовый крестьянский мальчик с печатью непонятного обаяния, всем чужой и каждому близкий» [13, с. 209]. Образ прохожего, как и другие образы в стихах «Сестре Шуре», многослоен и, по терминологии Есенина, «разносмыслен» [11, т. 6, с. 124]. В контексте этого произведения он несет в себе «печаль и отраду», означая осмысление духовного пути, любовь к родным, прощание с ними, но и подведение итога земных странствий и бродяжничества.

Согласимся с тем, что созвучные Есенину мысли позже выразил религиозный философ Н.А. Бердяев в работе «Самопознание: Опыт философской автобиографии» (1949): «Я изначально чувствовал себя попавшим в чуждый мне мир, одинаково чувствовал это и в первый день моей жизни, и в нынешний ее день. Я всегда был лишь прохожим. Христиане должны себя чувствовать не имеющими здесь пребывающего града и града грядущего взыскующими» [5, с. 246]. Но обратим внимание на то, что русский мир, в который пришел поэт, «чтоб душу вынуть», был и остался ему родным и близким, хотя ощущение себя случайным гостем на земле было присуще в ранние годы: «Полюбил я мир и вечность / Как родительский очаг» (1917) [11, т. 1, с. 85].

«Стихи “Сестре Шуре”» — это некая черта, подытоживающая сомнения и терзания «вечно странствующего странника», черта-прощание уже не с отчим, а с родимым домом, неотъемлемой частью родной земли. Появляется знаменательная лирическая антитеза утверждению лирического героя из цикла «Любовь хулигана» (1923): «В первый раз я запел про любовь, / В первый раз отрекаюсь скандалить» [11, т. 1, с. 187–188]; «В первый раз я от месяца греюсь, / В первый раз от прохлады согрет» [11, т. 1, с. 247], отмеченная Э.Б. Мекшем.

Стихи, посвященные сестре Шуре, отражают другое психологическое состояние — разочарование в любви и надежду на ее возрождение: «И опять я живу и надеюсь / На любовь, которой уж нет» [11, т. 1, с. 247]. Основой этой надежды отчасти является ситуация, связанная с женитьбой поэта на Софье Андреевне Толстой: регистрация брака состоялась через пять дней после написания стихотворения, 18 сентября 1925 г.

Теперь переживания героя связаны уже с размышлениями не только о земном бытии, но и «прощальном часе» («Ты махни мне веселой рукой»), появляются оксюморонные сочетания «от месяца греюсь», «от прохлады согрет». «Настойчиво, как заклинание, повторяя слова: “навеки”, “вовек”, “любил”, “люблю”. И в остатке поэт пытается удержать лишь один смысл во всей жизни: ускользающий, угадываемый в образах родных: сестры, матери, деда, — любовь к родине» [3, с. 462]. «Потому и навеки не скрою, / Что любить не отдельно, не врозь, / Нам одною любовью с тобою / Эту родину привелось» [11, т. 1, с. 247].

Идейно-тематическое единство всех четырех стихотворений подчеркивает их композиция (финальная строфа каждого является философским обобщением) и общая метрическая основа: анапестический трехударный дольник. Эту разновидность «3-иктного дольника» М.Л. Гаспаров назвал «есенинским типом» [1, с. 241]. Построенные по принципу жанровой циклизации, обозначенной в названии-посвящении, стихи «Сестре Шуре» развивают идею единства жизни-пути, родовых корней и национальной исторической памяти и являются последним завершенным и «прощальным» лирико-философским циклом поэта.

Список литературы
Исследования

1 *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 488 с.
2 *Козловский А.А.* Комментарии // *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1. С. 636–638.
3 *Лекманов О., Свердлов М.* Сергей Есенин. М.: Астрель-CORPUS, 2011. 624 с.
4 *Марченко А.* Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1989. 304 с.
5 *Мекш Э.Б.* Стихи, посвященные сестре Шуре, как лирический цикл // Столетие Сергея Есенина. Есенинский сб. М.: Наследие, 1997. Вып. III. С. 236–250. (Новое о Есенине; 3).
6 *Савушкина Н.И.* Русская советская поэзия 20-х гг. и фольклор. М.: Изд-во МГУ, 1986. 92 с.
7 *Савченко Т.К.* Два неосуществленных поэтических цикла С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2021. № 3. С. 63–67.

Источники

8 *Анненков Ю.* Сергей Есенин // Дневник моих встреч: Цикл трагедий. М., 1991. Т. 1. С. 154–176.
9 *Виноградская С.* Как жил Есенин // Как жил Есенин: Мемуарная проза / сост. А. Казаков. Челябинск, 1992. С. 6–28.
10 *Волошин М.* Иверни. Избранные стихотворения. М.: Творчество, 1918. 136 с.
11 *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995–2002.
12 *Есенин С.* Сергей Есенин. Собрание стихотворений. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 1–3; М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4: Стихи и проза. 504 с.
13 С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. 512 с. + 446 с.
14 Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма, документы / общ. ред. Н.И. Шубникова-Гусева; сост. С.П. Митрофанова-Есенина и Т.П. Флор-Есенина; коммент. С.П. Митрофанова-Есенина, С.И. Субботин и др.; подгот. текстов и указат. имен С.И. Субботина. М.: Республика, 1995. 608 с.

References

1 Gasparov, M.L. *Sovremennyi russkii stikh. Metrika i ritmika* [*Modern Russian Verse. Metrics and Rhythmics*]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 488 p. (In Russ.)

2 Kozlovskii, A.A. “Kommentarii” [“Comments”]. Esenin, S.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t. (9 kn.)* [*Complete Works: in 7 vols. (9 books)*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995, pp. 636–638. (In Russ.)

3 Lekmanov, O., and M. Sverdlov. *Sergei Esenin* [*Sergey Esenin*]. Moscow, Astrel’-CORPUS Publ., 2011. 624 p. (In Russ.)

4 Marchenko, A. *Poeticheskii mir Esenina* [*Esenin’s Poetic World*]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1989. 304 p. (In Russ.)

5 Meksh, E.B. “Stikhi, posviashchennye sestre Shure, kak liricheskii tsikl” [“Poems Dedicated to Sister Shura as a Lyrical Cycle”]. *Stoletie Sergeia Esenina. Eseninskii sbornik* [*The Centenary of Sergey Esenin. Esenin Collection*], issue 3. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 236–250. (In Russ.)

6 Savushkina, N.I. *Russkaia sovetskaia poeziia 20-kh gg. i fol’klor* [*Russian Soviet Poetry of the 20s and Folklore*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1986. 92 p. (In Russ.)

7 Savchenko, T.K. “Dva neosushchestvlennykh poeticheskikh tsikla S.A. Esenina” [“Two Unrealized Poetic Cycles of S.A. Esenin”]. *Sovremennoe eseninovedenie*, no. 3, 2021, pp. 63–67. (In Russ.)